Текст · 4 мая 2021, 09:33
Эдуард Андрющенко,

Профашистская организация «панки». Как КГБ наказал курсантов за бритые виски

Курсанты и товарищ майор

Игорь Федоров из Витебска учился в Кемеровском высшем военном училище связи. Характеристика курсанта была исключительно позитивной: учеба на отлично, членство в партии[1], «активное участие в общественной жизни» и желание служить в Афганистане[2] после училища. И тут, в июне 1983-го,

за четыре дня до выпуска, Федорова отчисляют и исключают из КПСС. А вскоре отправляют рядовым в одну из военных частей.

Бывший корпус училища (закрылось в 2009 году). Фото: urban3p.ru

Об успешной карьере в вооруженных силах после такого можно было забыть. Тем более, выгнали курсанта с подачи особого отдела — то есть военной контрразведки КГБ.

Парня обвинили в «притуплении бдительности», «низких моральных качествах» и высказывании «изменнических намерений». Пострадал и один из

друзей Федорова по фамилии Кашпаренко[3], но меньше — отделался выговором по партийной линии.

Началось все двумя месяцами ранее в кабинете куратора училища от КГБ — майора В. Справцева[4]. Особист проводил беседу с курсантом Акифьевым — тот вызвался после выпуска поступить к ним на службу. Помимо прочего, офицер расспрашивал об обстановке среди курсантов. Например, не слышал ли Акифьев, чтобы кто-то собирался сбежать за границу.

— А панки у вас есть? — поинтересовался вдруг майор.

Новая угроза с Запада

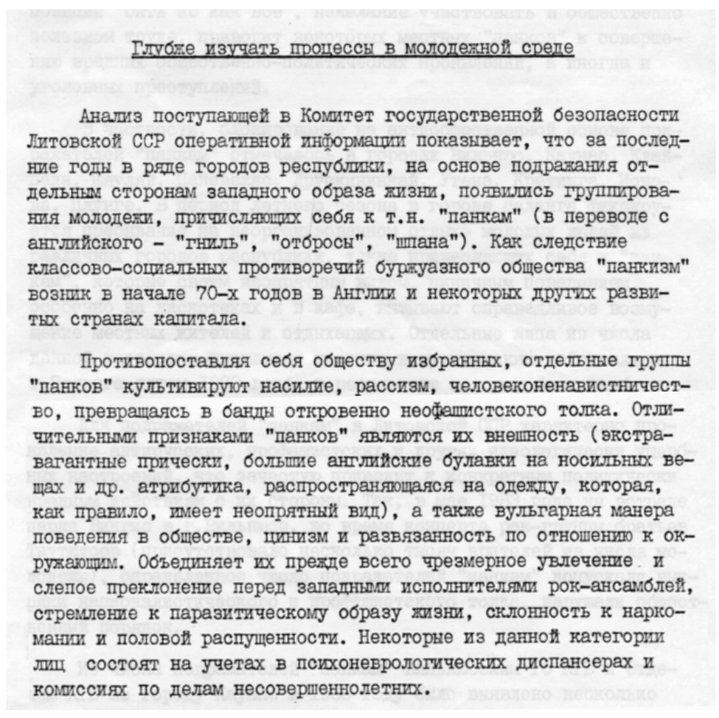
Какое дело военной контрразведке до панков? Товарищ майор сам лишь недавно о них услышал — первые последователи западной субкультуры в СССР появились на рубеже 70-80-х прошлого века. Массовостью новое молодежное увлечение не отличалось — но, судя по сообщениям КГБ 1982-1983 годов, спецслужба восприняла его всерьез как очередной продукт «идеологической диверсии империалистических государства».

> Примерно в то же время — в 1981 году — был переиздан роман «Вечный зов» Анатолия Иванова. В нем один из отрицательных героев излагает приписываемый западным спецслужбам план по разложению общества в СССР: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить», сейчас этот

> текст более известен как «План Даллеса» по имени первого главы ЦРУ Аллена Даллеса. Так или иначе, советская спецслужба и до появления этой конспирологической теории рассматривала иностранное культурное влияние — как восточное, так и западное — как угрозу существующему строю.

Вот что сообщал о панках один из документов КГБ того периода:

«Противопоставляя себя обществу избранных, отдельные группы "панков" культивируют насилие, рассизм[5], человеконенавистничество, превращаясь в банды откровенно неофашистского толка. Отличительными признаками "панков" являются их внешность (экстравагантные прически, большие английские булавки на носильных вещах и др. атрибутика, распространяющаяся на одежду, которая, как правило, имеет неопрятный вид), а также вульгарная манера поведения в обществе, цинизм и развязанность по отношению к окружающим».

Глубже изучать процессы в молодежной среде

Анализ поступающей в Комитет государственной безопасности Литовской ССР оперативной информации показывает, что за последние годы в ряде городов республики, на основе подражания отдельным сторонам западного образа жизни, появились группирования молодежи, причисляющих себя к т.н. "панкам" (в переводе с английского - "гниль", "отбросы", "шпана"). Как следствие классово-социальных противоречий буржуазного общества "панкизм" возник в начале 70-х годов в Англии и некоторых других развитых странах капитала.

Противопоставляя себя обществу избранных, отдельные группы "панков" культивируют насилие, рассизм, человеконенавистничество, превращаясь в банды откровенно неофашистского толка. Отличительными признаками "панков" являются их внешность (экстравагантные прически, большие английские булавки на носильных вещах и др. атрибутика, распространяющаяся на одежду, которая, как правило, имеет неопрятный вид), а также вульгарная манера поведения в обществе, цинизм и развязанность по отношению к окружающим. Объединяет их прежде всего чрезмерное увлечение и слепое преклонение перед западными исполнителями рок-ансамблей, стремление к паразитическому образу жизни, склонность к наркомании и половой распущенности. Некоторые из данной категории лиц состоят на учетах в психоневрологических диспансерах и комиссиях по делам несовершеннолетних.

Фото: архив КГБ

Указания выявлять панков пришли в том числе особым отделам[6]. И Справцев услышал от Акифьева, что у них есть двое таких: Федоров и Кашпаренко.

Ну или, по крайней мере, подходят под описание — выбривают виски и характерно (как именно — в документах не уточняется) себя ведут.

Действительно ли Акифьев поверил особисту, что сокурсники с «не такими» прическами могут представлять угрозу советскому государству? Или полагал, что этот донос поможет ему устроиться в КГБ? А может, просто хотел отомстить за что-то этим двоим? О его мотивах можно только догадываться. Впрочем, впоследствии в КГБ отмечали, что курсант «характеризовался не совсем порядочным человеком, склонным к фантазерству, авторитетом среди сослуживцев не пользовался, с Федоровым находился в натянутых отношениях».

Профашистская организация

Но это будет сильно позже, а пока майор Справцев решил раскрутить дело. Под его диктовку Акифьев изложил свои наблюдения в письменном виде. В заявлении был описан еще один случай. Когда курсанты обсуждали предстоящую службу в Афганистане, Федоров заметил, что оттуда легко попасть в Пакистан — граница не охраняется. Фраза вполне могла звучать нейтрально, просто как интересный факт, но теперь она домысливалась как намерение курсанта бежать на Запад.

В особый отдел Сибирского военного округа, то есть своему начальству, майор Справцев докладывал: «Федоров с удовольствием читает статьи, где речь идет о "панках", высоко подбрил себе виски, имеет гражданскую одежду. Многие элементы одежды взяты от "панков" — широкие вверху и суженные

к щиколоткам брюки. Его походка копирует походку "панков" — ходит вразвалку, несколько ссутулившись».

Материалы на двоих ничего не подозревающих курсантов пошли дальше — в окружное политуправление. Офицеры КГБ, передавая дело по цепочке, не только не проверяли поступившую информацию, но, кажется, намеренно сгущали краски в своих докладах. Главный контрразведчик округа, генерал-майор Михаил Иванов вскоре выступал перед партийным активом округа, и в его речи двое курсантов-панков трансформировались уже в целую «профашистскую организацию» в стенах училища.

Михаил Иванов. Фото: архив КГБ

На собрании присутствовал начальник политотдела училища. В отличие от чекистов, которые пока не предавали огласке свой интерес к двум курсантам, он сразу же после возвращения в Кемерово вызвал Федорова и Кашпаренко.

Все обвинения парни отрицали. Кроме одного — у них и вправду были коротко подстрижены виски.

Кашпаренко сослался на жену — та попросила сделать такую прическу, чтобы уши не торчали.

Литовские панки, 1982-1985. Как видим, молодые люди, принадлежавшие к панкам в тот период, совсем не обязательно имели какие-то внешние особые приметы. Фото: Литовский специальный архив

Особисты никаким объяснениям не поверили — или сделали вид, что не поверили — и решили официально «профилактировать» курсантов.

В арсенале чекистов такая мера воздействия, как «профилактика», закрепилась в годы хрущевской оттепели. Идея заключалась в том, что за легкие антисоветские деяния (вроде рассказанного политического анекдота) граждан следует не сажать, а перевоспитывать. Особенно если это молодой человек, попавшийся впервые. С «профилактируемым» вели беседу, которая по форме могла быть и «отеческим наставлением», и запугиванием.

«Профилактируемый» письменно заверял, что больше такого не повторится. Иногда процедура включала в себя не только общение с КГБ, но и публичный разнос на собрании по месту учебы или работы.

Федоров и Кашпаренко по-прежнему вину не признавали и каяться не собирались, но и особый отдел не отступал. Профилактика затянулась на два полных дня — от подъема до отбоя.

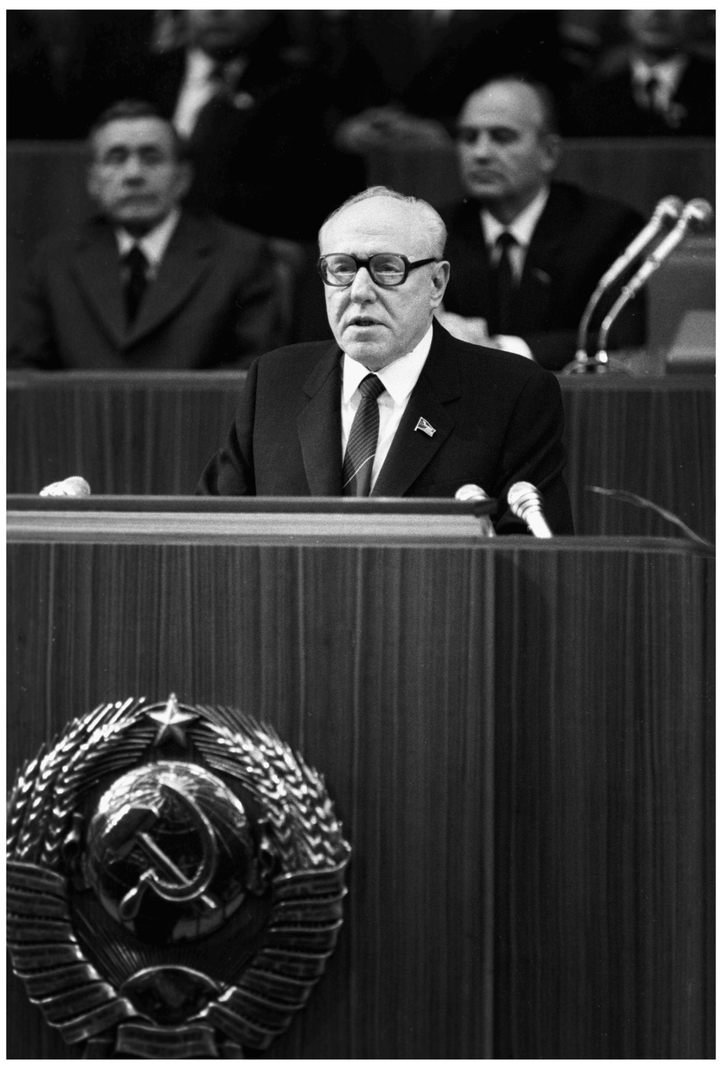
Чекисты задействовали традиционные уловки, используемые в ходе допросов. Вот как описывались эти приемы годы спустя: «С ними беседовали вместе и порознь, шантажировали ("твой друг уже признался"). Курсантам внушали, что им "протягивают руку помощи", что все останется здесь, в особом отделе, и никто знать этом не будет — только будьте откровенны».

И курсанты сдались — подписались под всеми обвинениями. Особый отдел отчитался наверх о ликвидированной на ранней стадии антисоветской группе. А что ждало Федорова с Кашпаренко, мы уже знаем («никто знать этом не будет», конечно, оказалось ложью).

Запоздалые извинения

За Федорова решил бороться его отец. Следующие полгода он трижды писал в Москву, в Третье главное управление КГБ[7] с просьбой разобраться в этом деле. Выяснить, что произошло, и доложить, московское начальство поручило генерал-майору Иванову — тому самому, публично объявлявшему о «профашистской организации». Иванов заверил: все в порядке, правильно отчислили.

Четыре года спустя, в 1987-м, Федоров-старший обратился уже к председателю КГБ Виктору Чебрикову. Вероятно, к новой попытке восстановления справедливости его подтолкнула перестройка. Власть, в том числе КГБ, стремилась показать, что стала более открытой и приблизилась к людям.

Виктор Чебриков. Фото: Сергей Гунеев / РИА Новости

На этот раз старания увенчались успехом. В КГБ начали служебное расследование. Курсанты изложили свою версию событий. Были опрошены особисты, причастные к тому делу — майор Справцев и подполковник Лебедев. Офицеры признали, что дали ход непроверенной информации, по сути сфабриковав дело.

«Формализм и бездушие, стремление любой ценой получить "оперативный" результат — этим можно объяснить неправомерные действия указанных работников военной контрразведки», — пишут авторы статьи в «Сборнике КГБ» о той истории.

Справцев и Лебедев оправдывались: руководство особого отдела округа заставляло гнаться за

высокими показателями. Кстати, их начальник Михаил Иванов еще в 1984-м перешел на службу в другой округ.

Особистов в итоге наказали — но как, мы не знаем. Федорова приняли обратно в КПСС и восстановили на учебе. В КГБ принесли курсантам извинения.

При подготовке статьи использована статья Ю. Шарапова и А. Ярового «Справедливость восстановлена, виновные наказаны», опубликованная в «Сборнике КГБ СССР» (№122, 1988 год).

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. В КПСС формально принимали с 18 лет, но процедура была непростой: надо было проявлять активность в комсомоле, заручиться поддержкой двоих членов партии, после чего некоторое время ходить в «кандидатах в члены». Зато статус члена КПСС значительно способствовал карьере.
2. К тому времени война в Афганистане шла уже четвертый год.
3. Авторы публикаций в «Сборнике КГБ» часто меняли реальные фамилии на выдуманные. Возможно, фамилии героев этой истории — тоже ненастоящие. В любом случае, найти их и пообщаться «Медиазоне» не удалось.
4. Полные имена в «Сборнике КГБ» не приводятся — только инициалы.
5. Так в документе.
6. Особые отделы существовали не только на оборонных и просто крупных предприятиях, но и при вузах и училищах.
7. Руководству всех особых отделов страны.